

Виктор Иванович Авдеев родился 5 марта 1942 года в селе Хохол Хохольского района Воронежской области. В 1972 году окончил факультет романо-германской филологии Воронежского государственного университета. Владеет испанским и португальским языками. Служил на Кубе с 1962 по 1966 год, работал переводчиком в группе советских специалистов ПВО и ВВС. В течение ряда лет работал в Анголе, Мозамбике, Демократической Республике Сан-Томе и Принсипи и Республике Гвинея (Жонакри). Член Союза ветеранов Анголы и Союза ветеранов Карибского кризиса, ветеран боевых действий, воин-интернационалист. Член Союза писателей и Союза переводчиков России. Издал восемь книг поэзии, переводов и воспоминаний. Генеральный директор ООО «Гленорд». Проживает в Москве.

Детство Виктора Авдеева было сродни многим ребятам того поколения. Учился в Хохольской Песчановской школе, потом в Стрелице. Стремился быть лидером и в учебе, и в комсомольских делах. А затем рабочая романтика увлекла парня на Крайний Север, оттуда — на кораблестроительный завод в Николаев, где жила сестра. Но главное началось с армейской службы.

... Батарея управления ракетных войск стратегического назначения, куда я попал служить в ноябре 1961 года, формировалась из новичков. Территориально мы располагались во Всеволожском районе Ленинградской области. В нашем подразделении в основном были призывники с Украины и из Москвы. Стало большой неожиданностью, когда меня избрали секретарем комсомольской организации взвода и редактором стенгазеты.

В августе 1962 года наш метеовзвод сняли с военных учений и вернули на место постоянной дислокации. Наутро командир батареи управления приказал всем привести себя в порядок и повел в штаб бригады. Нас начали вызывать по одному. У всех было необъяснимое волнение по поводу данной процедуры. Мой заход помню до мельчайших деталей, помню даже лица всех пятерых сидящих за большим столом. Когда я доложил: «Рядовой Авдеев по вашему приказанию прибыл!», генерал, сидевший в центре, тихим голосом спросил:

— Вы комсомолец?

— Так точно! — ответил я.

— Готовы ли вы выполнить задание партии и правительства?

— Так точно! — вновь ответил я

— Вы свободны!

В тот же день нам дали команду собрать свои вещи. Это касалось также автомата, противогаза и обмундирования. Как только мы это выполнили, нас повели в парк, где стояла техника. У меня был ЗИЛ-157 с будкой «Кунг», в которой работало отделение вычислителей. Расселись по местам, в моей машине замкомвзвода — старший лейтенант Степаненко. Под вечер, закрепив два прицепа, тронулись в путь. Мы ехали первыми. За нами следовал автомобиль Михаила Бекирова с радиолокационной установкой. В его машине — командир взвода Горячев. Путь был неблизким, от усталости очень хотелось спать, бороться со сном помогала мысль, что мы едем выполнять какое-то важное задание. Учитывая, что скорость была небольшая, только на рассвете мы подошли к Выборгу. Петляя по узким улицам, добрались до железнодорожной станции, заполненной незнакомой военной техникой.

Нам раздали металлические скребки и зеленую краску, доходчиво объяснив, что на машинах не должно остаться никаких следов, свидетельствовавших о военном назначении. Рядом кипела работа по подготовке к погрузке на железнодорожные платформы техники и оборудования дивизиона оперативно-тактических ракет «Луна», в состав которого мы и входили. Нас разместили в вагонах-теплушках, и поезд тронулся в путь. Теперь мы могли хорошенько отдохнуть. Правда, сна опять не было. Всех мучил вопрос, что бы все это значило, куда и зачем нас везут? Очень часто наш состав загоняли в тупики, где он долго стоял. Спустя несколько суток, мы доехали до Лиенаи, где нас ожидал сухогруз «Илья Мечников». Нас отвезли в общежитие и категорически запретили выходить на улицу. В один из дней весь личный состав дивизиона привезли в старую церковь, где посреди зала стояли ряды с аккуратно вывешенной одеждой. Каждому из нас полагалось подобрать для себя плащ, костюм, брюки, одну светлую и три клетчатых рубашки, кепку. Все это было высокого качества. Одежду симпатичные девчонки аккуратно заворачивали и ласково вручали нам в руки. Не ошибусь, если скажу, что на гражданке не всем нам повезло так красиво одеваться. Кроме этого, нам выдали еще по тельняшке и морские брюки. В другой раз нас отвезли в Дом культуры, где выступал Краснознаменный ансамбль песни и пляски имени Александра. Время пролетело как во сне. Все было в неведении. Догадок и домыслов по поводу наших сборов и возможных маршрутов было очень много. Говорили об Индонезии, Египте, Алжире и о каких-то других неведомых странах. Иногда звучала и Куба, но она была настолько далекой и неизвестной, что всерьез ее никто не принимал.

Переодетые в гражданскую одежду, мы ступили на борт корабля. Первое, что я увидел, был мой ЗИЛ-157, одиноко стоящий по правому борту. Все трюмы сухогруза были забиты пусковыми установками, ракетами, колесной и гусеничной техникой. В одном из трюмов были оборудованы двухуровневые деревянные нары. Их глубина позволяла полностью залезть внутрь, но по высоте это напоминало конуру. Нам выдали спальные принадлежности, и мы с вещмешками заняли свои места. Переодетые в матросские рубы, все стали похожи на членов судовой команды.

В момент выхода судна из порта все находились на палубе и с замиранием сердца смотрели на убегающий от нас берег. Начиналась новая жизнь, полная романтики и загадочных приключений. После выхода из территориальных вод нас собрали и предупредили, что с этого момента выход на палубу ограничен. На наших глазах люк трюма задраили с помощью корабельных лебедок, оставив небольшой проем, и включили освещение. Посреди трюма установили кинопроектор и рас-

Виктор Иванович Авдеев

ставили лавки. Так твиндек стал нашим общежитием, столовой и кинозалом на период всего плавания.

Первое блаженство от встречи с морем для некоторых из нас стало улечиваться. Началась небольшая качка, а вместе с ней и первые признаки морской болезни. Неизвестное досель ощущение мы почувствовали еще ночью, но, боясь признаться в этом, с мужеством терпели до утра, не зная, как избавиться от появившегося недуга. Нам принесли завтрак, однако к нему никто не притронулся — аппетита не было. Было одно желание — выйти на палубу и подышать свежим воздухом. Но делать этого было нельзя, потому что шли вдоль побережья какой-то европейской страны. На небольшое время качка успокоилась, и мы попросили завтрак. Судовой матрос предупредил нас, чтобы мы не злоупотребляли пищей, так как прогноз погоды ничего хорошего не предвещал.

Чтобы скрасить плавание, весь день нам крутили фильмы. Время от времени по громкой связи нас информировали о месте нахождения. Однажды торжественно объявили, что мы в водах Атлантического океана и пригласили занять места в зале. Вышел человек в штатском и с импровизированной трибуны сообщил нам ошеломляющую новость. Сначала он говорил о доверии, которое нам было оказано, а потом с нескрываемым волнением заявил, что мы направляемся на Кубу для выполнения интернационального долга по защите дружественной нам страны. О Кубе, кубинской революции, о Фиделе Кастро мы знали мало. И вдруг такое! Мы едем ее защищать! Прокатилось многократное «ура». Долго не могли успокоиться, а человек в штатском рассказывал о революции, о разгроме десанта наемников в районе Плайя-Хирон, высадившегося с американских военных кораблей, и о красотах тамошней природы. Как всегда, нашлась и ложка дегтя для бочки меда. Он начал делиться с нами сведениями о том, что на Кубе много венерических заболеваний, что контакты с кубинками не только нежелательны, но и опасны. Учитывая, что коллектив был сугубо мужской, говорил он об этом откровенно и красочно, особенно про опасное заболевание под названием «испанский воротничок» и какие-то другие недуги.

С каждой милей в трюмах становилось жарче, очень хотелось прогуляться по палубе, но делать это категорически запрещалось. Участились облеты нашего судна натовскими самолетами. Иногда они пролетали на такой высоте, что, казалось, вот-вот коснутся мачты. Мы прекрасно понимали ситуацию и целыми днями смотрели фильмы. Температура в трюмах поднималась выше сорока градусов. Когда становилось совсем невмоготу, добрый боцман запустил компрессор и стал закачивать воздух через прорезиненный рукав. Сначала все рванули к нему, но от горячего и дурно пахнущего резиной воздуха стало еще хуже. Душу отводили ночью. Кто хотел, наслаждался луной, звездами и плескающимся за бортом океаном. По ночам несколько раз видели подводную лодку, которая, видимо, сопровождала наш корабль.

Позади осталась половина дистанции, когда начался сильный шторм. Волны перекачивались с одного борта на другой, все скрежетало. По-настоящему было страшно, а тут еще морская болезнь, мучившая чуть ли не весь личный состав.

В течение четырех дней многие из нас смогли проглотить лишь несколько кусочков сахара, попытки поесть что-либо существенное заканчивались печально. В целях безопасности во время шторма корабль шел волне навстречу. Со слов членов команды, даже им редко приходилось попадать в такую ситуацию. По их расчетам, мы потеряли в пути около трех суток. Во время разыгравшейся стихии нам также не разрешали выходить на палубу, но теперь уже из-за опасения, что волна смоем кого-нибудь за борт. Когда все прекратилось, мы, обессиленные, с трудом выбрались на палубу и стали приходить в себя. Штормовая погода отрицательно сказывалась на настроении, морская болезнь измотала многих, но несмотря ни на что настроение у нас было боевое.

А тут еще предупредили, что скоро на горизонте покажется Куба. Мы облепили борта. Не знаю почему, но о мерах конспирации к этому времени забыли напроочь. Сразу было видно, что едем как к себе домой. Одновременно раздались несколько голосов: «Куба!». С этого момента глаз от приближающегося острова никто не отрывал, всем не терпелось быстрее ступить на загадочную землю. Человек в штатском провел последнюю беседу, пожелав всем удачи. Кроме того, он заявил, что с момента прибытия на Кубу все мы становимся «гражданскими лицами», обращаться друг к другу нужно только по имени, а к офицерскому составу — по имени и отчеству. Эта новость нас развеселила, и мы повернулись в сторону своих командиров.

До морского порта оставалось совсем немного, когда «Илья Мечников» бросил якорь и стал на рейде в ожидании очереди под разгрузку. Причалить к пирсу нам разрешили только рано утром следующего дня. Это был порт Мариэль.

...Моя машина стояла на палубе, поэтому ее выгрузили первой. Вслед за ней опустили несколько грузовиков, после чего последовала команда всем водителям взять свои вещи и спуститься на причал. Мне легко удалось завести автомобиль, но, когда я попытался тронуться с места, понял, что за время плавания от морской соленой воды все успело проржаветь до такой степени, что педали сцепления и тормозов не хотели слушаться. Я давил на них со всей силой, но в обратную сторону они никак не хотели возвращаться, я вытаскивал их руками. У меня было всего несколько минут для решения этой проблемы, прежде чем поступила команда: «Вперед!».

Мы ехали в голове колонны, поэтому в нее посадили кубинского проводника. На вид ему было лет пятнадцать-шестнадцать, но он выглядел как заправский воин. Наперевес красовался автомат ПППШ, на ремне с одной стороны висел штык-нож, с другой — кобура с пистолетом неизвестной мне марки. Я с завистью поглядел на него, и он понял это. Мы внимательно изучали друг друга, но мне все время мешали злополучные педали, за которыми я вынужден был нырять время от времени под рулевую колонку, чтобы вернуть их в исходное положение. Мальчишка рукой показывал, куда нам ехать. Мы пригляделись друг к другу и начали разговаривать, конечно, каждый на своем языке. Сначала дорога шла по безлюдной местности. С обеих сторон тянулись поля, где выращивали неизвестные мне культуры. В одном месте мы увидели стадо коров, и я по-русски проговорил «корова», на что он мне ответил «вака». Немного проехав, я увидел собаку и, указав в ее сторону, сказал «собака». Он отрицательно покачал головой и произнес: «Есе». Это были первые испанские слова, которые я выучил по пути к месту моей дальнейшей службы. Было начало сентября, до кризиса оставалось совсем немного. До сих пор не перестаю удивляться, как «янки» проспали у себя под носом, всего в сотне миль от Флориды, высадку группы советских вооруженных сил с баллистическими ракетами, тяжелой бронетехникой и многочисленным воинским контингентом.

К месту назначения мы прибыли глубокой ночью. Трудно поверить, но в этой

Награды ветеранам Карибского кризиса (В.И. Авдеев крайний слева)

поездке было много странного. Продолав многокилометровый марш-бросок, мы оказались в настоящих джунглях. По указанию проводника я заглушил мотор и с удовольствием вылез из кабины. За мной последовали мои сослуживцы. Рядом появился человек, поздоровался по-русски и спросил, кто из кубинцев был с нами. Но мальчишка будто растворился в темноте. Соотечественник сообщил, что до утра нам придется провести время в машинах, намекнув, что было бы неплохо выставить охрану, прежде чем укладываться спать. Это прозвучало как пожелание. В траве слышались какие-то звуки от ползающих тварей, ребята молча залезли в машины и начали размышлять каждый о своем. За несколько недель произошло столько событий, что в голове это просто не укладывалось. Мы были предоставлены самим себе и стали дожидаться приезда наших товарищей.

Ракетные установки и спецтехнику завозили в темное время суток, остальное доставляли днем. Вся боевую технику разместили в пятистах метрах от нашего городка. Распорядок дня стал принимать характерные черты воинского подразделения. Наряды в караул и на кухню стали нормой нашего внутреннего распорядка, но со своими особенностями. Перед первым заступлением в караул нам раздали листочки, где русскими буквами на испанском языке было написано: «Альто! Кьенва?» («Стой! Кто идет?»). Если объект продолжал идти, следовало кричать: «Альто! Вой асерфуэго!» («Стой! Стрелять буду!») Парадоксально было и то, что мы ходили в гражданской одежде, поэтому сначала не должны были показывать свое оружие. Оно было спрятано в укромном местечке поблизости. Вот и попробуй успеть крикнуть по-испански, услышать и понять ответ, да еще принять решение стрелять или миловать. По сути дела, часовой все время охранял свой автомат.

Кризис набирал обороты. О нем уже говорили в открытую. Американцы обложили Кубу со всех сторон боевыми кораблями. Мы готовились к войне, спали не раздеваясь, держа при себе автоматы и противогазы. Днем и ночью постоянные тревоги. Хотя автопарк с боевой техникой находился неподалеку, бегать ночью в кромешной темноте через заросли и каменные завалы было сложно. Не раз видели пролетающие американские истребители, за которыми гонялись наши МИГи. Обстановка была накалена до предела. Утром 27 октября получили команду рыть окопы по периметру дивизиона. Копали молча. Вдруг свист над головами. Мгновенно распластались на дне окопа и тут же услышали, как что-то тяжелое упало

рядом. Подождали несколько секунд — взрык не последовало. Тихонько приподнялись и увидели, что страху на нас нагнал упавший громадный лист масличной пальмы. Это ЧП запомнилось еще и потому, что именно этот день принято считать кульминацией Карибского кризиса. Одно из наших подразделений противовоздушной обороны обнаружило американский самолет U-2, летящий со стороны Гуантанамо на высоте свыше 20 тысяч метров. У кубинцев был приказ сбивать любые цели противника, нарушившие воздушные границы, но сделать это обычным зенитным вооружением было невозможно. Аналогичного приказа у советских ракетчиков не было. Время на принятие решения было ограничено, поэтому командир взвода капитан Антонец позвонил в штаб генералу Плиеву, чтобы получить соответствующие инструкции. Командующего на месте не оказалось, но его заместитель отдал приказа уничтожить самолет. Пуск произведен и цель была поражена. Пилот самолета-разведчика Андерсон погиб, став единственной жертвой противостояния.

28 октября во избежание дальнейшего обострения международной обстановки, грозившей перерасти в военное противостояние с непредсказуемыми последствиями, вплоть до мировой войны, правительство СССР согласилось с требованием США о выводе ракет с Кубы в обмен на заверение правительства США о соблюдении территориальной неприкосновенности острова и гарантии невмешательства во внутренние дела страны. Демонтаж стартовых площадок произвели за три дня.

Экстремальная ситуация, а она была именно такой, имела свои плюсы. Прошло не так много времени с момента прибытия на Кубу, но нами была проделана колоссальная работа. Мы стали вполне боеспособной единицей, готовой выступить в любую заданную точку для защиты суверенной свободолюбивой Кубы.

Вопросами урегулирования Карибского кризиса с советской стороны занимался Анастас Микоян. В первых числах ноября он приехал к нам в полк вместе с Фиделем Кастро. Об их визите нас предупредили заранее. Мы выстроились на главной дороге нашего городка, чтобы их поприветствовать. Фидель с Микояном осмотрели все подразделения, включая наш ракетный дивизион. Завершился совместный визит посещением столовой, где они попробовали солдатскую пищу. Когда кубинский лидер уехал, Микоян встретился в клубе с личным составом полка. После небольшого выступления он попросил высказать к нему просьбы. Не сговариваясь, все в один голос прокричали: «Письма на Родину», второй просьбой было пожелание «стариков», у которых шел четвертый год службы, демобилизоваться и вернуться домой. Микоян пообещал, что сразу по прибытии в Москву все наши просьбы передаст в ЦК КПСС. Свои обещания он выполнил. На многие годы почтовым адресатом стала «Москва 400».

Кризис остался позади. Наша причастность к этому событию ничтожно мала, но каждый из нас достойно и гордо прожил эти тревожные дни, которые до сих пор трогают и греют душу. Это было время прекрасных и теплых отношений друг к другу, царил неподдельная дружба. Теперь жизнь становилась рутинной, все успокоилось. Надо было возвращаться в колею солдатской жизни.

Участившиеся контакты с кубинцами пробудили во мне интерес к изучению испанского языка. Сначала это было робкое общение на пляже, в магазинах, где мы покупали открытки, а также прослушивание местного радио, откуда постоянно звучали революционные призывы. К этому времени меня назначили постоянным дежурным по автопарку. Это было в некотором роде бюро пропусков на территорию, где находилась наша боевая техника. Чтобы не скучать, целыми днями листал кубинские журналы и газеты, пытался их читать вслух, правда, не зная особенностей произношения. Для учета военнослужащих, находящихся в автопарке, был журнал, который я прятал в ящике стола. Как-то, заступив на очеред-

но дежурство, обнаружил в нем пять песо. Со спокойной совестью забрал их, но рассказал об этом своим близким друзьям: Дятлову, Бекирову и Яхно. Мы решили, что потратим деньги в солдатском кафе, однако судьба распорядилась по-другому. На следующий день я встретился со знакомым из соседнего подразделения. В руках у него был испанско-русский словарь на сорок три тысячи слов, который ему кто-то подарил. Я, недолго думая, предложил ему за этот словарь всю найденную сумму. Устоять перед таким предложением он не смог, и сделка была успешно завершена. С этого момента моя жизнь наполнилась новым содержанием. Язык для меня стал каким-то наваждением, я стал учить все слова подряд, за исключением тех, смысл которых не знал по-русски. В день осиливал по несколько десятков слов и выражений. Когда появлялась возможность, пытался говорить с кубинцами, но они меня практически не понимали. Это меня злило. Проблема была в том, что я не мог правильно читать и запоминать все на свой лад. Понемногу я разбирался с дифтонгами, трифтонгами и другими характерными чертами кубинского испанского языка и дошел до уровня свободного общения на бытовые темы. И еще я приобрел два прекрасных учебника, изданных для слушателей московского института военных переводчиков.

С каждым днем наше общение с кубинским населением становилось более тесным. Этого требовала повседневная жизнь. Офицерский состав вспомнил про дни рождения, звания, свои и кубинские праздники, а чтобы это отмечать, требовалось спиртное и продукты. Нужны были связи на ликеро-водочных заводах, на оптовых базах и сельхозпредприятиях. Кубинцы охотно шли на контакт и делились с нами всем, чем могли. Мои познания в языке стали востребованными. Время от времени я выезжал с офицерами в город для разрешения хозяйственных нужд дивизиона и полка в целом.

Важным рубежом в нашей жизни стало обучение кубинцев правилам пользования советской боевой техникой. Офицеры начали готовить учебные материалы к проведению теоретических занятий. Тут же возник вопрос о переводе лекций на испанский язык, для чего к нам прикомандировали кубинцев, недавно окончивших краткие курсы русского языка. Переводчиков было мало, уровень знаний военной терминологии был таким низким, что эффективность перевода сводилась к нулю. Командир взвода Леонид Константинович Горячев попросил меня сделать письменный перевод. Тематика была известной, поэтому, обложившись словарями, я с божьей помощью приступил к работе. В течение нескольких дней и бессонных ночей мне удалось осилить несколько разделов, после чего Леонид Константинович предложил командиру дивизиона официально провести меня как переводчика на весь период подготовки будущих кубинских коллег. Теперь, благодаря официальному статусу переводчика, у меня появилась возможность заниматься языком сколько угодно.

Теоретическая подготовка кубинцев, длившаяся более двух месяцев, завершилась сдачей экзаменов. Прежде чем передавать технику кубинской стороне, нужно было провести стрельбы боевыми ракетами. Дальность полета ракет составляла от 25 до 50 километров, необходимо было подобрать пригодное для этих целей место. Им стал остров Пинос (Остров молодежи). Под покровом ночи, в сопровождении полицейских пусковые установки и вся техника метеовзвода были доставлены в морской порт, а оттуда — на импровизированный полигон. Времени на предпусковую подготовку было мало, но мы успели в первый же день развернуть технику и произвести несколько запусков аэрозондов для получения атмосферных характеристик этого сказочного острова. Кубинцы внимательно следили за действиями наших специалистов. Стрельбы были назначены на 11 часов следующего дня. И мы, и кубинцы оставшееся время провели в сильном волнении. Едва забрезжил рассвет, все отправилось готовить технику. Запустив электростанцию,

мы обнаружили, что напряжение в 220 вольт на РЛС не поступает. Нас охватил ужас, когда мы увидели, что вся проводка была изуродована до такой степени, что в полевых условиях отремонтировать ее было невозможно. Запитаться от городской сети нельзя. Сорвать пуски мы не имели права, поэтому начали искать выход из этой ситуации. Небо было таким же голубым и чистым, как накануне, погода нисколько не изменилась. Проанализировав ситуацию, решили использовать уже имевшиеся данные — другого выхода не было. Риск — благородное дело. К этому времени гости во главе с Фиделем Кастро разместились на крыше близлежащей гостиницы. По команде мы расчехлили пусковые установки с ракетами и произвели первый выстрел. Сигарообразная, блестящая в лучах света ракета вздрогнула и рванула вперед. Набрав необходимую высоту, она выровнялась и полетела в сторону цели — старинного полуразрушенного замка. С наблюдательного пункта сообщили, что точность попадания была великолепной. После консультации с лидером кубинской революции, был совершен еще один запуск. Позже меня еще не раз приглашали на практические стрельбы в танковые и артиллерийские подразделения.

О ЧП с подачей электроэнергии на РЛС, насколько мне известно, была информирована кубинская сторона. Результаты расследования нам неизвестны. Не исключено, что это была преднамеренная порча, совершенная кем-то из врагов кубинской революции.

Пока на Кубе шла повсеместная подготовка к передаче техники, жизнь открыла передо мной интересную перспективу — меня пригласили в учебный отдел бригады и сообщили, что я включен в список кандидатов для поступления на курсы переводчиков. Спустя некоторое время, меня вызвали вновь и сказали, чтобы я прибыл для прохождения мандатно-экзаменационной комиссии. С большим волнением дождался утра и отправился в штаб. Вызывали по одному человеку. Это мне напомнило собеседование перед отправкой на Кубу. Правда, теперь весь разговор шел на испанском языке. Вопросы носили общий характер, и по настроению сидящих там людей я почувствовал, что экзамен выдержал. Меня поблагодарили и сказали, что будут рекомендовать на учебу.

Через несколько дней стало известно, что подготовка переводчиков будет проводиться силами преподавателей, которые придут из Москвы в ближайшее время. Со всей Кубы нас собралось около тридцати человек. Местом учебы стала наша бригада. К этому времени по приказу министра обороны Р.Я. Малиновского мы были демобилизованы из рядов Вооруженных Сил и переведены в ранг служащих Советской армии (в целях сохранения воинской дисциплины от нас это держали в тайне до конца завершения курсов). В соответствии с этим каждому из нас была назначена зарплата в рублях и сертификатах-чеках с желтой полосой — от Государственного комитета по экономическим связям.

Курсы возглавил полковник Минин, автор испанско-русских словарей. Вместе с ним прибыли ведущие преподаватели ряда московских вузов. График учебы был настолько плотным, что нам приходилось заниматься даже после отбоя. Все учебные группы формировались с учетом специфики будущей работы. Лично я был зачислен во взвод противовоздушной обороны. Мы учили терминологию, связанную с ракетными зенитными комплексами, радиолокационным оборудованием, особенностями ведения боевых действий и т.д. Много внимания уделялось письменным переводам инструкций и положений. В течение короткого времени преподаватели помогли разобраться в грамматических особенностях языка. Мы также значительно пополнили свой словарный запас. Завершились курсы сдачей экзаменов и распределением по местам предстоящей работы. Попрощавшись с сослуживцами из метеозвода и поблагодарив своего командира дивизиона, я навсегда покинул расположение части.

Моя работа в качестве переводчика началась в ракетном дивизионе противоздушной обороны, расположенном в провинции Пинар дель Рио. Я был поглощен своей работой и находился в полной гармонии со своим статусом. Обстановка в коллективе была прекрасной. Офицеры увлеклись изучением испанского языка, некоторые из них уже неплохо усвоили техническую терминологию и могли спокойно общаться со своими «подсоветными». Кубинцы тоже старались учить русский язык, что положительно сказывалось на наших взаимоотношениях и на общей работе. Однажды к нам приехала с инспекционной проверкой группа старших советников из Генерального штаба ПВО и ВВС с кубинским руководством. Переводчика они привезли с собой, поэтому мой начальник посоветовал не мозолить глаза важным персонам и остаться в общежитии. Через полчаса наш советник позвал меня помочь «торезовскому студенту», которого кубинцы не понимали.

В отличие от наших советников я ходил в кубинской военной форме, поэтому наши гости приняли меня за местного переводчика. После завершения проверки руководитель советской группы спросил, где я так хорошо выучил русский язык. Мне пришлось признаться, что я русский и работаю тут, на базе. Прощаясь со мной, он спросил, не хотел бы я поработать в столице. Не дожидаясь ответа, сел в машину и уехал. Через неделю «студента» на джипе привезли на военно-морскую базу, а меня на той же машине увезли в Гавану, где я стал переводчиком советника при главном инженере ПВО Революционных вооруженных сил Кубы. Советническую инженерную группу возглавлял Михаил Муратович, армянин, человек суровый, никогда не улыбающийся. Подчиненных он держал в строгости, а так как он был еще и трудолюбивым, никому отпуска не давал.

Дивизионы ПВО стояли на всех стратегически важных направлениях, но, в первую очередь, прикрывали столицу, административные центры и важные экономические объекты. Мы исколесили страну, добираясь до стартовых площадок всеми видами транспорта. Необходимость в поездках возникала постоянно. В то время нужно было иметь много терпения, чтобы работать с кубинцами. Мы проводили массу времени в томительных ожиданиях наших кубинских коллег: они умудрялись опаздывать даже в тех случаях, когда для поездки нам выделялся спецсамолет и сообщалось точное время вылета. У нас с ними были прекрасные отношения, поэтому мы не скрывали своего возмущения, а они, как всегда, говорили нам свое любимое словечко «маньяна», то есть «завтра» они не опоздают. Но ничего не менялось, мы опять ждали и опять возмущались. Спустя годы, точно с такой же ситуацией сами кубинцы столкнулись в Анголе и других африканских странах, где выполняли интернациональный долг и учили своих африканских коллег навыкам боевых действий.

Советническая инженерно-техническая группа центрального аппарата ПВО насчитывала около тридцати человек, включая членов семей. Мы проживали в отдельных благоустроенных домах в пригороде Гаваны. В городке были все условия для беззаботной холостяцкой жизни, включая столовую, промтоварный магазин, клуб с танцплощадкой, который ревнивые мужья много раз пытались прикрыть или хотя бы сократить количество танцевальных дней. В Гаване масса исторических мест, связанных с первыми испанскими поселениями, богатой архитектурой, религией, военно-историческими памятниками. Нигде в мире нет такого музея, посвященного Наполеону Бонапарту, как на Кубе. Не менее интересным является Дом-музей Эрнеста Хемингуэя близ Гаваны, где он написал свою знаменитую повесть «Старик и море». Почти в центре города располагался замечательный аквариум с морской водой. Будучи переводчиком, я с каждой группой новых сотрудников регулярно посещал эти музеи, но больше всего мне нравилось бывать «У Наполеона». Гидом там работала молоденькая красивая кубинка Наташа, с которой мы подружились и время от времени встречались. Родители дали

ей имя в честь Наташи Ростовой из «Войны и мира», и в этом тоже было что-то загадочное. К посещениям значных мест у нас всегда было отношение особенное, но, хотя прямых запретов ходить в ночные клубы не было, мы делали это осторожно.

Переводческая работа мне очень нравилась, поэтому я совсем не замечал, как летело время. В течение первого года мы жили в одном доме с Анатолием Канунниковым, прибывшим в Гавану из МГПИИЯ имени М. Тореза. После его отъезда в Москву, я пошел на повышение — меня взял к себе старший советник при ПВО и ВВС Кубы Борис Павлович Кравчук, а на мое место пригласили парня из провинции. Как мгновение пролетели полтора года работы в качестве переводчика. Наступило время моего первого отпуска. С момента призыва в армию прошло более четырех лет, которые многое изменили в моей жизни. Я достойно отдал долг Родине, а армия помогла мне определить дальнейший жизненный путь. Свой замечательный отпуск я провел в Николаеве и Воронеже. Возвращаясь на Кубу, я привез с собой учебники по русскому языку, литературе, истории и пособие для поступающих в высшие учебные заведения. Решение о поступлении в вуз я принял после того, как встретился с Анатолием Канунниковым, у которого несколько дней прожил в Москве в институтском общежитии. Один из преподавателей провел со мной собеседование. Услышав положительный отзыв и предложение поступить к ним, я воодушевился, однако позже, оценив свои возможности, решил, что поступать мне надо на факультет романо-германской филологии Воронежского государственного университета. Впереди был год упорного труда. Помочь никто не мог, поэтому я все свободное время самостоятельно перечитывал учебники, наверстывая то, что было упущено в школьные годы.

Вскоре на замену старшему советнику Кравчуку прибыл полковник Панин Николай Иванович. Мягкий по характеру в быту, новый шеф был крайне требователен в служебных делах и не терпел разгильдяйства со стороны подчиненных. Он ввел в качестве обязательных занятия наших специалистов с кубинским персоналом, мы стали чаще выезжать с инспекционными проверками в провинции.

Вся внутренняя жизнь советнической группы регулировалась уставными требованиями. Общественная жизнь советской колонии определялась требованиями нашего посольства, торгпредства и других ведомств. Под руководством комсомольской организации, как и везде в советские годы, жизнь била ключом. Проводились массовые мероприятия, мы даже выступали на национальном телевидении совместно с известными кубинскими артистами. Из Москвы в Гавану регулярно приезжали творческие коллективы и спортивные делегации, среди них были Майя Плисецкая, Борис Брунов, Валерий Брумель, Виталий Попенченко, Виталий Агеев и другие.

Зенитные комплексы, поставленные Советским Союзом Кубе, предназначались для защиты воздушного пространства, но островное государство может с большей долей вероятности стать жертвой нападения с моря, как это и произошло в апреле 1961 года, когда в Заливе Свиней высадились контрреволюционеры при поддержке судов военно-морского флота США. Охрана морских рубежей становилась приоритетной задачей в обороне молодого латиноамериканского государства, поэтому было принято решение задействовать средства ПВО. Для этого из Москвы прибыло несколько специализированных бригад, задачей которых являлось внесение конструктивных доработок, позволяющих использовать зенитные ракетные комплексы по надводным и наземным целям. Личный состав кубинских ракетчиков при консультативной поддержке наших советников был готов к осуществлению пусков.

Если для проведения пусков тактических ракет «Луна» был использован остров Пинос, то стрельба по воздушным и надводным целям предполагала пуски в

сторону моря и только с основного острова. Для решения вопросов, связанных с подбором полигона и выработкой рекомендаций кубинской стороне, в Гавану прибыл дважды Герой Советского Союза, маршал авиации Е.Я. Савицкий. В аэропорту его встречал министр обороны Кубы Рауль Кастро. Меня закрепили за маршалом в качестве переводчика. Маршалу был предоставлен вертолет, на котором мы исколесили все побережье острова, пока не нашли подходящее место. Учитывать нужно было не только характеристики густонаселенных рыбацких поселков, но и опасности, связанные с пролетом иностранных самолетов вблизи Кубы. Международный скандал был не нужен ни Кубе, ни Москве. На протяжении нескольких месяцев каждую субботу проводились стрельбы, были выпущены десятки ракет, что позволило кубинцам в совершенстве освоить зенитно-ракетный комплекс. На показательных стрельбах побывали Фидель и Рауль Кастро, делегации дружественных стран. В эти дни устраивали настоящие боевые шоу с участием военно-воздушных сил, артстрельбой и с использованием гранатометов.

Наступило время отъезда на Родину. С одной стороны, хотелось скорее вернуться домой, к своим близким, а с другой — было жалко расставаться с Кубой, с кубинскими друзьями. Я благодарен Богу и судьбе, что в моей жизни был такой светлый период, оставивший самые добрые воспоминания о моих сослуживцах и товарищах. Более подробные описания можно почитать в моих книгах.

В общей сложности вне дома я находился более шести лет. Позади остался Мурманск, служба в армии и двухлетняя переводческая деятельность с нашими военными советниками при ПВО РВС Кубы. Я вернулся домой, имея за плечами приличный жизненный опыт. У меня было прекрасное материальное обеспечение, что позволило купить собственный автомобиль, а это тогда было большой редкостью. Меня не оставляла мысль получить высшее образование. Казалось, все было хорошо, но не было постоянного местожительства. В Николаеве я прожил несколько месяцев. Женился и уехал в Воронеж, чтобы начать новую жизнь.

В Воронеже сразу пошел в обком комсомола и объяснил свою ситуацию. Как участнику Карибского кризиса мне с женой помогли устроиться на работу аппаратчиками на завод синтетического каучука (СК) имени Кирова с пропиской в общежитии. Правда, жили мы на съемной квартире. В течение года я посещал рабфак при Воронежском госуниверситете, а затем поступил на дневное отделение факультета романо-германской филологии. К этому времени у нас родился сын. На экзаменах я набрал 18 баллов, хотя мне, как отслужившему действительную службу, хватило бы и 12-ти. Это был 1967 год. За учебную парту я сел вместе с ребятами, которые были моложе меня на 5–6 лет. Для начала я возглавил добровольную народную дружину, а чуть позже меня избрали секретарем комсомольского бюро факультета, которым я и был вплоть до пятого курса. Мои отношения с преподавателями были скорее дружескими. Несмотря на занятость по общественной работе, я успешно учился, получал повышенную стипендию. По завершении военной кафедры и соответствующих военных сборов в Гороховецких лагерях получил звание лейтенанта и должность командира взвода противотанковых оружий.

На пятом курсе стал членом КПСС. В то время в университете благодаря замечательным людям, возглавлявшим комсомол, таким как Виталий Кордаш, Николай Семенов, Михаил Есипов, студенты по-настоящему были вовлечены в общественно-полезную работу. В рамках «Университетской весны» проводились конкурсы художественной самодеятельности, где студенты нашего факультета были бессменными финалистами. Весьма плодотворная работа проводилась и в рамках Интернационального клуба. Я очень признателен декану факультета Хосе Морено Пальи, Валентине Алексеевне Белоусовой, Долорес Баскес, Ирине Евгеньевне Крымовой, Станиславу Александровичу Голицыну — потомку великого рода и многим-многим

другим. После завершения учебы в университете Николай Александрович по моей просьбе писал на меня рекомендательное письмо для поступления на Высшие курсы КГБ СССР. Хочется также поблагодарить Наталью Александровну Фененко, Валентину Васильевну Гритчину, которые достойно сохраняют традиции нашего факультета. Самая добрая память у меня и о сокурсниках — Валентине Дмитриевой, Светлане Белобородовой, Татьяне Новиковой, Владимире Шмиголе, Владимире Лапине, Нине Шульга, Галине Чурсиной, Сергее Полякове, Михаиле Теплицком и других. К сожалению, связь со многими утеряна...

Куба и все, что было связано с этой страной и Латинской Америкой вообще, стало частью моей жизни на долгие годы. Когда я учился на разведывательных курсах КГБ СССР, был уверен, что буду работать именно в этом регионе. Однако случилось так, что к этому времени бывшие португальские колонии Ангола, Мозамбик, Сан-Томе и Принсипи, Гвинея (Бисау) и Острова Зеленого Мыса стали независимыми государствами, и с ними установились тесные взаимоотношения. Изучение португальского языка повлияло на определение региона моей профессиональной деятельности.

Первая командировка была в Анголу в 1977 году. Военно-политическая обстановка в этой стране была крайне сложной. По периметру национального аэропорта виднелись зенитные установки, в укрытиях — бронемашины и танки. Солдаты, вооруженные автоматами Калашникова, вели патрулирование всех значимых мест. Среди встречавших я узнал кубинцев. Кроме двух командировок, я несколько раз выезжал в Анголу в составе рабочих делегаций.

С 1982 по 1986 год мне посчастливилось работать в качестве официального представителя КГБ СССР в Демократической Республике Сан-Томе и Принсипи, а с 1991 по 1994 год — в Мозамбике. Все это время вместе с кубинцами занимался подготовкой кадров для национальных спецслужб.